

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

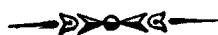

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А.И. ГЕРЦЕН

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ
СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863 ГОДА

MDCCCLXIII

В походах дают солдатам через два-три дня дневку, для того чтоб собраться с силами, исправить амуницию, осмотреть подковы, почистить ружья и пр.; время чернорабочее не самый день, а *жанун* относительно будущего и *отдых* относительно прошедшего. 1862 год был дневкой для нас, отдыхом после манифеста 19 февраля, сочельником перед *созванием Земского собора* — поэтому, отдавая ему равнодушную справедливость, мы провожаем его в могилу без слез и радости. Много в нем «басков перелопалось»¹ у старой реакционной гитары, много староверов покривилось, пало преждевременно на ноги, но все они еще дышат; в нем также многое и зародилось, стремится обнаружиться, но не вышло еще на свет.

Между этим яровым жнитвом и озимовыми всходами набралось много любопытного и полезного со стороны правительства и много пророческого, бросающего свет вперед, со стороны народа.

Начнем, как подобает, с правительства.

Мы ему обязаны, во-первых, истиной, что когда нет поджогов, то очень трудно сыскать зажигателей и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невинными жертвами*.

¹ Один мой знакомый, *московский помещик* (как Александр Николаевич)*, часто бывающий за границей, ездил недавно в Симбирскую и Тамбовскую губернии (у него, как у Александра Николаевича, поместья в разных губерниях), где он не был года два. Он не мог прийти в себя от перемены, произошедшей в помещичьем кругу, — 19-ое февраля иссушило их и положило в лоск. «Едва я мог узнать старых приятелей, те же люди, но *баски полопались*; кто ногу тащит, кто водки не пьет, кого совсем перекосило, нет веселья, все сердятся, желчные, исхудалые; солон пришелся им манифест!» *Полопавшиеся баски* должны остаться в истории вместе с *ослушным днем и желанным часом*.

Мы ему обязаны новыми доказательствами библейской истины, что бог, отделивши при сотворении мира воду от земли, так и животных приладил, чтоб морские жили в море, а сухопутные на суше, в силу чего бобр не строит под водою, а рыба не занимается земледелием. Морская болезнь нашего правительства сделала эту истину очевидной. Моряк Путятин, моряк Константин Николаевич, моряк Головин¹ обнаружили редкую неспособность «во всех родах различных». Один не сумел погубить просвещение, другой не сумел его восстановить, третий (по правде, ему и задача помудреннее досталась) не сумел разом губить и восстанавливать Польшу*.

Но есть истины более черные, открытые во всем бесчеловечном ужасе отеческим правительством в Петербурге, и тут на первом плане страшная, ненужная, ничем не оправданная, чудовищная казнь *Арнгольда*, *Сливицкого*, *Ростковского* и *Щура**. Ничего подобного не было со времен императрицы Елизаветы... ни даже при Николае, ссылавшем людей за то, что они слушали молча, но с улыбкой письмо Белинского к Гоголю*. Этот нероновский поступок, сделанный лицемерно, чужими руками, под фирмой Лидерса, дает великое поучение: тупейшие люди могут понять, что в данную минуту может сделать благодущное правительство, которому дано бесконтрольное право убийства с утайкой причины*. Нам остается благодарить, что оно так скромно пользуется этим невинным удовольствием.

Самодержавные аппетиты растут быстро; какой шаг они сделали от произвольного ареста Огрызки до приговора на шесть лет каторжной работы Михайлова, — приговора, намеренно прочитанного в великую годовщину 14 декабря!* И какой шаг — от шести лет до шести пуль в грудь юношей пылких, горячих и ничего не сделавших выходящего из общих дисциплинарных правил!

Но так как государь еще молод и росту самодержавных аппетитов трудно предвидеть предел, то не очевидно ли, что этому росту надобно поставить земскую плотину и, подражая красноречию его величества, сказать государю: «Здравствуйте, московский помещик! Мы рады вас видеть, мы вам оставляем свободу управлять нами, но, помните, управлять по законам, а не по своеволию. Требуем затем от вас точного исполнения

¹ Иные говорят, что он землеводный, ни то ни се, — нам кажется *се**.

установленных постановлений. Мы хотим, чтоб уставная грамота между нами была немедленно составлена; затем, после составления ее к 19 февраля будущего года, не ожидать никакой новой власти и никаких новых льгот. Слышите ли? Не слушайте толков, которые ходят по передним Зимнего дворца, не верьте ни графам, ни князьям, ни Адлербергам, ни Гагариным, ни Коцебу, от Коцебу рожденным *, ни нечеловеческим сынам III отделения, а верьте одним словам народа вашего, собравшегося в Земский собор. Теперь прощайте, бог с вами! »*

Простившись с правительством в его высшем воплощении, нам остается опуститься в низменные сферы народной жизни. Сходя лестницу за лестницей Зимнего дворца, опускаясь от генерал-адъютантов до флигель-адъютантов, от флигель-адъютантов до свитских офицеров, от свитских офицеров до гофшурьеров, этих литераторов Зимнего дворца, издающих потаенный журнал «Его время» * (вроде «Нашего времени», издаваемого Павловым), мы встречаемся, наконец, с народом в караульной.

— Ну, народ, что у тебя бродит на душе, скребет на сердце? С чем ты переходишь в 1863 год? Что ты придумал и выдумал?

— Какой же это народ? Это солдаты.

— Да солдаты разве не народ?

— Что вы! Посмотрите во Франции, в Пруссии.

— Мы говорим о России; может, в России солдат и не так далек от народа.

— *Sehen Sie*, — как-то заметил мне один немецкий революционер, веровавший, что из русского без палки и немца ничего не сделаешь, — *was für unser einem zu ominös ist in diesem Muschik-Volke — man kann nicht klug aus ihm werden.*

— *Chaotische Verwirrung der Barbarei*, — отвечал я ему.

— *Ja, ja, eine ganz fatale Verwirrung. So ein Volk von Troglodyten des Herodotes*¹.

В самом деле, что за хаос эта русская жизнь: всё кверху ногами, всё вниз головой, все играют роли, и все не то, что представляют; никого не узнаешь по платью, а все одеты в форму

¹ Посмотрите, ... как нашему брату жутко приходится среди этого мужицкого народа — его не поймешь. — Хаотическая путаница варварства. — Да, да, совершенно роковая путаница. Племя троглодитов Геродота (нем.). — *Ред.*

да в мундир. Где тут немцу провести свою статс-классификацию, когда табель о рангах, при помощи всевозможных поощрений, от звезд, чинов и крестов до каторжной работы и шпицрутенов, осталась, вроде Линнеевой системы растений, чем-то наружным. Сумбур да и только. Вчера человек был рабом, а землю считал своей собственностью. Аристократ, вельможа, сановник — у нас личность наиболее стертая, далеко не имеющая самобытности земского исправника или степного помещика. Генералы заведуют штатскими делами, генералы сидят за обер-прокурорским столом в синоде, зато архиереи — в кавалериях через плечо. Выслужившийся истопник царский, седой и белый, как лунь, производится за отличие в придворные араны...

— Да это мы все знали до 1862.

Но вот что мы чуяли, подозревали, но не знали и что начал нам раскрывать 1862 год, — это что наши солдаты — народ, что наши офицеры — наши братья, что мундир, как короста, остался между пальцами, а вглубь не пошел. Кутерьма петровского разгрома сбила всех с толку; при треске барабанов и свисте шпицрутенов, при «музыке в шпорах» и с «зубами, выбитыми начальством», солдаты и офицеры потеряли голову, потеряли сердце и сделались колесом машины изготовления канцелярских бумаг и военной выправки. Гнусен был тогда русский офицер, в каждом сидел свой Аракчеев; палач был тогда русский солдат, и дивиться надобно их храбрости.

Но времена изменились: по мере того как просыпается Россия и приходит в себя, с ней вместе просыпается русский солдат, и, сверх собственной совести, его будит русский офицер — не палкой, а дружеской рукой, заповедным словом; он его будит на забвенье былого и на общее спасение от жгучих пятен мученической крови поляка и крестьянина.

Расстрелянная Хрулевым молитва в Варшаве, расстрелянное недоумение крестьян в Бездне * — испугало войско, оно раскрыло ему глаза, куда эти господа его ведут. Казаку на Кавказе стало противно бить независимого черкеса. Хмель крови, забиячества, военное опьянение проходит, оставляя место немолкаемому упреку за утраченную жизнь, горькому угрызению совести и сознанию своей вины перед народом. Солдаты и офицеры поняли теперь то, что мы им говорили в 1854 году:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАДРЕС

Дюпон де Лер.— Я напечатаю.

Людег-Филипп.— А я напечатаю, что это неправда.

Дюпон де Лер.— Из нас двоих вряд вашему ли
величеству поверят.

Анекдот 1830 года.

Г. директор,

Вы поместили в газете «The Times» письмо, заимствованное из журнала «Колокола», издаваемого г. Герценом; письмо это без подписи и адресовано от имени офицеров войск, расположенных в Царстве Польском, к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Печатаю документ, содержание которого для нас столь же неприятно, как и *бесчестно*, г. Герцен находит достаточным засвидетельствовать одним своим личным ручательством действительное существование статьи, которой цель—выставить нас на пути измены монарху, отечеству и долгу.

Не сомневаясь, что послание это служит выражением только личных воззрений г. Герцена, мы начинаем с того, что отвергаем от глубины наших убеждений всякое соучастие в идеях, не только нам чуждых, но и возмущающих чувства наши как граждан и солдат.

Г-н Герцен счел нужным давать нам советы относительно обязанности нашего звания; мы не просили его об этом и желали бы избавиться от таких попечений. По его мнению, долг наш состоит в поддержании оружием всякого беспорядка, всякого стремления, враждебного правительству и общественному устройству; и все это будто бы для славы России и для нашей собственной чести.

Честь не допускает измены священным обязанностям, принятым добровольно, а г. Герцену неизвестно, что все мы по собственной воле обязались служить правительству. Долг же наш в Варшаве, как везде, один и тот же: верность государю и закону.

Войско существует для защиты отечества; во время же внутренних смутений ему достается в удел другая обязанность, не менее доблестная: защита общества и государственного порядка. Армия, подчиняющаяся влиянию личных политических видов и стремлению партий, представила бы жалкое зрелище недисциплинированной и анархической толпы, опасной для всякого просвещенного общества.

Напротив того, охранением мирных граждан, их спокойствия и общественной безопасности мы надеемся содействовать развитию и величию нашего отечества.

Строки эти не имеют целью просветить г. Герцена, а служат единственно опровержением тех чувств, которые ему угодно было приписать нам.

Так как в журнале вашем помещено письмо, напечатанное г. Герценом, в котором честь офицеров русских войск, расположенных в Польше, столь сильно затронута, то мы, зная беспристрастие редакции «Times», надеемся, что она не откажет поместить в своих столбцах и этот ответ*, в котором остальные товарищи наши не могли принять участия единственно по недостатку времени и по разбросанности расположения войск в крае.

От издателей «Колокола». Любопытный документ этот прислан нам из Варшавы одним русским офицером из числа тех, которые подписали адрес Константину Николаевичу. Документ этот, говорят, сочинил начальник штаба Минквиц. Для получения подписей было употреблено незамысловатое, но удачное средство: разославши по гвардейским полкам в Варшаве литографированную копию «Минквицевой идиллии военного рабства», пригласили офицеров подписаться, либерально предоставив право, если кто из них не хочет, изложить письменно, по какой причине он не подписывается. Со всеми этими французскими гарантиями свободной подачи голосов* кой-куда по армии циркуляр не посылали, что и выражено в идиллии Минквица следующими словами: «Остальные товарищи наши не могли принять участия единственно по недостатку времени и по разбросанности расположения войск в крае».

Куда же было торопиться? К тому же, если действительно по милости петербургского правительства Сибирь стала похожа на Польшу, то Польша от этого не имеет еще размеров Сибири — чтоб разбросанность расположения представляла непреодолимость подписания. К тому же торопились медленно, адрес, доставленный нам в половине октября, был напечатан 22 октября, а до сих пор «Теймс» не получил сосредоточенность расположения верноподданнических чувствований Минквица с будущими!... Все это ясно само по себе, и нам начинает сдаваться, что документ этот и не переезжал вовсе границы всех России. Это было pro domo sua¹.

¹ Для собственного употребления (лат.).— Ред.

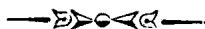
В заключение одному из нас — именно мне — остается лично благодарить за несокрушимую веру, что адрес писан мною. Он написан очень хорошо, и потому уверенность Минквица мне польстила. Я в более выгодном положении, чем был Хлестаков; тот приписывал сам себе все, что считал хорошим: «Юрия Милославского», «Фенеллу» и «Сумбеку»*. А мне *другие* приписывают все красное и якобинское.

C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau...
Si Dieu a noyé la terre,
C'est la faute de Voltaire;
S'il a lâché beaucoup d'eau,
C'est la faute de Rousseau! *

Но так как ни скромность, ни самолюбие мне не позволяют украшать себя чужими зубами, имея свои собственные, то я с полной благодарностью за доверие начальника штаба *даю мое честное слово*, что я не писал адреса, а писал «письмо к офицерам» (15 окт. 1862, «Кол.», № 147)* в ответ на *три письма*, полученные мною*. Придет время, мы представим доказательства; но теперь, разумеется, скорее подвергнемся всякому нареканью, чем станем помогать главному штабу отыскивать в *разбросанности расположения* благородных воинов, которые, как Красовский, не хотят быть палачами*. Они нужны для России на лучшее, чем на гибель за адрес.

Адрес, возбуждавший *сосредоточенность* верноподданнической ревности, еще показывает доверие к уму, к справедливости, к сердцу Константина Николаевича... Офицеры просят его взойти в их положение, спасти их честь... После эпистолы Минквица офицеры *цидуло*к великим князьям писать не будут...

30 декабря 1862 г.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

Будберг начал хорошо и успешно союз двух полиций*. Четверо поляков задержаны в *Париже**, один выпущен, трое остались в тюрьме*. Какой урок полякам, больным *хронической* надеждой на Францию*, и какой трогательный пример солидарности полиций дают Будберг и Персиньи. Она гораздо многостороннее, чем думают. Государь разрешил Валуеву принять австрийский орден *Леопольда**... А мы и не знали, что и наш министр внутренних дел служит еще какому-то императору!

Каковы русские немцы, да и каковы немецкие русские!¹

¹ Дарвин, автор знаменитой книги «On species», должен быть доволен: у нас открывается или, лучше, *наывается* новый вид чиновничества. К русским немцам и немецким русским прибавляются *русские альзасцы*, т. е. такие русские немцы, которые, оставшись с *нравственным* немецким акцентом, предались французской страсти — решительных мер, централизации, просвещающего насилия, исправляющего беззакония, и все это с сохранением тяжелой, немецкой *Plumpheit* (неуклюжести) и русского нахальства.— Мы еще займемся их фауной*...

〈БАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ〉

.....
И истина должна открыться

...даже в «Конститусионеле» — журнале, любящем прогрессивное правительство в Петербурге. На днях он поместил небольшую корреспонденцию об *остзейских провинциях**. Писавший ее наивно удивляется одному факту — что остзейское дворянство и богатое мещанство городов гораздо упорнее в своем противудействии нововведениям правительства и отстаивает свои монополии и средневековые права с закоснелостью, которая идет гораздо далее упрямства русских помещиков... И это, прибавляет корреспондент, несмотря на то, что остзейцы гораздо образованнее русских.

Мы не находим этого *zu stupendisch*¹. Мы настолько знали русских немцев (*nos amis de la maison*), чтоб не удивляться их ур-консерватизму*, тем не менее мы с радостью прочли замечание «Конститусионеля». Есть русские, которые, увидав это в французском журнале, убедятся, что это так.

¹ слишком глупым (нем.).— *Ред.*